

УДК 347.63+341.64

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СТАНДАРТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Н.В. Кравчук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Статья посвящена вопросам правосубъектности ребенка, их регулированию в российском законодательстве, в частности в Семейном кодексе РФ, Гражданском процессуальном кодексе РФ, постановлении Пленума Верховного суда РФ. Особое внимание отводится вопросу о способности ребенка быть субъектом международного права и постановлениям Европейского суда по правам человека, призванным компенсировать неполную правосубъектность ребенка. Делается вывод в необходимости корректировки российского законодательства с целью приблизить эффективность защиты ребенка к уровню, соответствующему европейским стандартам.

Ключевые слова: правосубъектность, Европейский суд, Семейный кодекс РФ, права ребенка.

Предстоящее 18-летие, совершеннолетие, Семейного кодекса России дает основание для дискуссии о реализации прав граждан в семье, и один из ключевых вопросов здесь – вопрос о правосубъектности ребенка, т. е. его «способности быть субъектом права»¹.

На протяжении столетий ребенок был объектом права собственности своего отца, всего несколько десятков лет назад он стал субъектом прав, в том числе права на защиту. Лишь в 2006 г. Комитет по правам ребенка ООН завершил трансформацию дискурса прав ребенка от, собственно, защиты детей до защиты их прав и признания самостоятельности ребенка в их реализации². Однако и сейчас нельзя не принимать во внимание существующее в России и в других странах восприятие ребенка как «человека-в-будущем» – не способного на собственное мнение и не могущего реализовывать права самостоятельно.

Несмотря на закрепление в Семейном кодексе Российской Федерации отдельной главы о правах ребенка, российские ученые и практики выражают сомнения в его способности осуществлять свои права в силу недостаточной зрелости – мнение о том, что ребенок не в состоянии и не должен участвовать в судебных и

¹ Вельяминов Г. М. Международная правосубъектность // Сов. ежегодник междунар. права. 1986. М., 1987. С. 84.

² Committee on the Rights of the Child, Report on the forty-third session, September 2006, Day of General Discussion, Recommendations, Preamb. URL: www.ohchr.org/english/bodies/crc/discussion.htm

административных разбирательствах в качестве самостоятельно субъекта, достаточно распространено³.

Действующее законодательство России наделяет несовершеннолетних граждан дифференцированной правосубъектностью⁴. Законодатель ограничивает право ребенка обратиться за защитой своих прав в судебные органы определенным кругом правоотношений и условием достижения определенного возраста (ст. 56 Семейного кодекса РФ).

Хотя законодатель предусмотрел право ребенка на выражение мнения, в том числе в ходе любого судебного или административного разбирательства (ст. 57 СК РФ), его учет обязателен лишь в ограниченном числе случаев (ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 СК РФ). В остальных ситуациях суды не обязаны привлекать к участию в деле ребенка, а также учитывать его мнение.

Российское процессуальное законодательство (ст. 37 ГПК РФ) предусматривает обязательство суда привлекать к участию в процессе детей в возрасте 14 – 17 лет (исключением из этого правила являются случаи, когда несовершеннолетний признан полностью дееспособным до достижения совершеннолетия при эмансипации (ст. 27 ГК РФ) или при вступлении в брак (п. 2 ст. 21 ГК РФ)). Дети в возрасте до 14 лет могут быть привлечены судом к участию в деле, однако делать этого судья не обязан. При этом кодекс не содержит какого бы то ни было положения, закрепляющего процессуальный статус ребенка. Отсутствие такого положения в законе делает обязательство суда привлекать ребенка к участию в процессе и право ребенка на справедливое судебное разбирательство иллюзорным. На практике суды отказываются принимать жалобы и заявления от несовершеннолетних, ссылаясь на отсутствие соответствующих полномочий.

Таким образом, несмотря на закрепление в российском законодательстве положения о том, что несовершеннолетний обладает определенной правосубъектностью, на практике он не может самостоятельно реализовывать свои права, в том числе право на защиту в судебном порядке.

Отмечая важность этой проблемы, к ней несколько раз обращался и Верховный суд РФ. Так, согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»⁵ в случаях, когда при разрешении спора, связанного с воспитанием ребенка, судом будет признано необходимым опросить ребенка в судебном заседании в целях выяснения его мнения по рассматриваемому вопросу, следует предварительно выяснить мнение органа опеки и попечительства о том, не окажет ли неблагоприятного воздействия на ребенка его присутствие в суде.

Несколькими годами позднее Верховный суд РФ иначе изложил свою позицию по этому вопросу. С учетом положений Конвенции о правах ребенка и ст. 57

³ Эрделевский А. Ребенок тоже человек// Человек и закон. 1998. №11 – 12. С.75; Нечаева А.М. Судебная защита прав ребенка: учеб.-практ. пособие. М.: Экзамен, 2003. С. 83

⁴ Алексеева Т.Н., Беседина О.А., Болдырева Н.Н., Григорьева Г.Ф., Кравчук Н.В. Участие детей в деятельности по защите своих прав: межрегион. темат. доклад. М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2010. С. 36.

⁵ Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 1998. № 7.

СК РФ Суд по-другому расставил акценты и постановил, что прежде всего судье следует исходить из права ребенка быть заслушанным в ходе любого судебного разбирательства, затрагивающего его интересы. И только при наличии оснований полагать, что присутствие ребенка в суде может оказать на него неблагоприятное воздействие, судья выясняет по этому поводу мнение органа опеки и попечительства (п. 4 постановления Пленума Верховного суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»⁶).

И уже совсем недавно Верховный суд РФ в «Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей» (утв. Президиумом Верховного суда РФ 20.07.2011 г.)⁷ указал на обязанность судов неукоснительно соблюдать требования ст. 12 Конвенции о правах ребенка и ст. 57 СК РФ о праве ребенка выражать свое мнение по вопросу, затрагивающему его интересы, не допуская случаев вынесения решений без выяснения и учета мнения детей, достигших возраста десяти лет, а также случаев восстановления в родительских правах родителя, лишенного родительских прав, без согласия детей, достигших возраста десяти лет.

Таким образом, очевидна попытка Верховного суда России скорректировать практику применения норм права по рассматриваемому вопросу в соответствии с международными стандартами в этой области.

Необходимо отметить, что ограничение процессуальных прав ребенка *per se* никоим образом не противоречит положениям Семейного кодекса РФ и международным нормам в области защиты прав ребенка. Частичная дееспособность является сутью концепции несовершеннолетия⁸. Ограничение процессуального статуса ребенка, тем не менее, не должно влиять на уровень защиты его/ее прав. И здесь попытка избежать эмоционального потрясения, связанного с участием в судебном заседании ребенка, в российском законодательстве видится как противопоставление праву ребенка влиять на принятие судом решения. Это приводит к тому, что концепция «действий в интересах прав ребенка», созданная для индивидуализации решений в интересах конкретного ребенка в России, применяется формально, в качестве стандартной фразы в определении суда⁹. И разрешить данную проблему на уровне применения права без внесения соответствующих поправок в законодательство не представляется возможным.

Интересен вопрос: обладая ограниченной правосубъектностью в национальном праве, может ли ребенок быть субъектом международного права?

Д.Б. Левин, исходя из общетеоретического понимания субъекта международного права, указывал следующие его признаки: «1) участие в международных правоотношениях, 2) наличие у участника международных правоотношений автономной воли, 3) наличие у него собственных международных

⁶ Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2006. № 6.

⁷ Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2012. № 7.

⁸ O'Donnell D. The Right of Children to be Heard: Children's right to have their views taken into account and to participate in legal and administrative proceedings. P. 2.

⁹ Henaghan M. What Does a Child's Right to Be Heard in Legal Proceedings Really Mean? ABA Custody Standards Do Not Go Far Enough. Family Law Quarterly. 2008. V. 42, Iss. 1. P. 118.

прав и обязанностей». Причем все указанные признаки, в особенности критерий обладания автономной волей, предполагают не только потенциальное наличие прав и обязанностей или же возможное участие в правоотношении, но и реальную способность своими волевыми фактическими действиями самостоятельно осуществлять эти права и исполнять обязанности¹⁰. То есть речь идет о том, может ли ребенок, к примеру, стать заявителем в Европейский суд по правам человека.

Несмотря на то что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция)¹¹ отдельно не выделяет ребенка в качестве специального субъекта прав, и сама Конвенция, и решения Верховного суда говорят о том, что ребенок, несмотря на специфику его правосубъектности, обладает в полном объеме всеми теми же правами, что и взрослый человек. Отмечается, что в тексте не делается различий между мужчинами и женщинами, гражданами и иностранцами, взрослыми и детьми¹². Акцент на этом делается в первую очередь в целях усиления положения о (пусть неполной) правосубъектности несовершеннолетнего. По сути, единственное требование к такому лицу – являться жертвой нарушения права, предусмотренного Конвенцией (*ratione personae*). Следовательно, в Европейский суд может обратиться и ребенок, несмотря на свою ограниченную правоспособность.

Несмотря на тот факт, что жалоб, поданных непосредственно самими детьми или в интересах детей, пропорционально не так много¹³, они, тем не менее, часто становятся основанием для вынесения Судом принципиально важных решений, используются впоследствии в качестве прецедента по широкому кругу дел и могут стать основанием значимых изменений в законодательстве страны. Рассмотрим несколько таких дел.

В знаковом деле *A vs the United Kingdom*¹⁴ в Европейский суд обратился сам ребенок (следует, однако, отметить, что в дальнейшем ребенка представляли профессиональные юристы). Рассматривая его, Суд впервые коснулся вопроса телесного наказания ребенка родителями. Заявитель 13 лет (на момент подачи жалобы), пожелавший остаться неизвестным¹⁵, был жертвой насилия со стороны отца, который регулярно бил его палкой. Против отца было возбуждено уголовное дело, однако он был оправдан со ссылкой на положение обычного права о «разумном наказании», согласно которому родители имеют право на определенное воздействие на детей в целях воспитания и в разумных пределах. Европейский суд установил, что право мальчика на защиту от унижительного наказания (ст. 3 Европейской Конвенции) было нарушено этим законодательным положением, не

¹⁰ Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974. С. 39.

¹¹ СЗ РФ 1998. № 14. Ст.1514.

¹² Françoise Tulkens. The European Convention on human rights and children's rights// International justice for children / Council of Europe publishing, 2008. P. 18.

¹³ Isabelle Berro-Lefèvre. Improving children's access to the European Court of Human Rights // International justice for children / Council of Europe publishing, 2008. P. 70.

¹⁴ Решение ЕСПЧ от 23 сентября 1998 г.

¹⁵ Если заявитель не хочет раскрывать свою личность, он может попросить об этом Суд. В таком случае его имя не будет обозначено в публичных документах. Однако в своей жалобе в Суд он должен представить о себе полную информацию, включающую и имя (Правило 47 Правил процедуры Суда).

обеспечивающим возможность эффективной защиты ребенка от насилия. Таким образом, приняв непосредственное участие в международных правоотношениях, ребенок смог защитить свои права, предусмотренные и внутренним законодательством.

Еще одно известное дело - *Assenov and others vs Bulgaria*¹⁶ (оно касалось плохого обращения со стороны полиции под арестом). В нем одному из заявителей было 14 лет, когда его арестовали и поместили под стражу. Рассматривая дело, Европейский суд установил, что на основании представленных доказательств невозможно установить, было ли в действительности к заявителю применено плохое обращение. Интересно, что именно в этом деле Суд впервые установил процедурное нарушение ст. 3 (запрещение пыток), отметив, что в случае жалоб заключенного на нарушение в нарушение ст. 3 должно быть проведено эффективное расследование. Один из важнейших прецедентов, таким образом, появился благодаря именно определенному возрасту заявителя. Учитывая его уязвимость и повышенные сложности, связанные с получением ребенком доказательств плохого обращения, Суд счел возможным наложить на государство дополнительные обязательства по расследованию дела.

Правило о том, что в силу специфического статуса ребенка и вытекающих из этого ограничений в процессуальной дееспособности его интересы в суде могут представлять иные лица, верно как для внутреннего законодательства России, так и для Европейского суда. И здесь также имеется ряд интересных постановлений Европейского суда.

Так, в деле *Scozzari and Giunta vs Italy*¹⁷ был поставлен вопрос о том, может ли представлять интересы ребенка мать, лишенная родительских прав.

В соответствии с российским семейным законодательством (ст. 64, 71, 73, 145, 148 СК РФ) мать, лишенная родительских прав или ограниченная в родительских правах, не имеет права представлять интересы ребенка. Законодательство Италии решает этот вопрос аналогично. В связи с чем в своих предварительных возражениях, поданных в Европейский суд, Правительство Италии заявило, что мать не имеет права представлять интересы детей в связи с тем, что ее родительские права были ограничены, существовал конфликт интересов детей и их матери и на тот момент еще не было окончено расследование уголовного дела по обвинению матери в нарушении прав детей.

В ответ на это Европейский суд, не ограничившись рассмотрением процессуального законодательства, проанализировал суть спора:

«...в принципе лицо, не имеющее полномочий по внутреннему законодательству представлять другое лицо, может, тем не менее, действовать в интересах этого лица перед (Европейским. – Н.К.) судом. В частности, несовершеннолетние могут обратиться в Суд даже, или, на самом деле – тем более, если их интересы защищаются матерью, находящейся в конфликте с властями и оспаривающей их решения и действия как несоответствующие правам, гарантированным Конвенцией... Суд считает, что при конфликте между кровной матерью и лицом, назначенным властями в качестве опекуна ребенку, существует

¹⁶ Решение ЕСПЧ от 28 октября 1998 г.

¹⁷ Решение ЕСПЧ от 13 июля 2000 г.

опасность того, что некоторые интересы ребенка не будут представлены вниманию Суда, и несовершеннолетний, таким образом, лишится эффективной защиты своих прав. Следовательно... хотя мать и была лишена родительских прав – и собственно, это и есть одно из действий, которые она обжалует, ее статус кровной матери достаточен для того, чтобы обращаться в Суд в интересах ее детей в целях их защиты»¹⁸.

Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что в данной ситуации мать является в первую очередь представителем интересов своих детей, и именно необходимость представления их интересов и защиты их прав должным образом позволяет ей подавать от их имени жалобу в Европейский суд. Такой подход демонстрирует, что ребенок, не имеющий *locus standi* по национальному праву, может подать жалобу в Европейский суд, не имея назначенного в обычном порядке представителя, или представителя *ad litem*. Тот же подход был использован Судом и в более позднем постановлении по делу *Giusto, Bornacin and V. v. Italy*¹⁹, в котором было отмечено, что следует избегать чересчур ограничительного или чисто технического подхода к представительству интересов детей перед органами Конвенции. Следует принимать во внимание в первую очередь связь между ребенком и его представителями, смысл и цель жалобы и учитывать все возможные конфликты интересов.

Еще одно дело, интересное как с точки зрения подходов Суда к вопросу о компенсации неполной правосубъектности ребенка, дело *X and Y vs the Netherlands*²⁰, касавшееся изнасилования психически неполноценной 16-летней девушки в детском доме. Национальный суд отклонил жалобу отца на отказ в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что отец, в силу действующего уголовного законодательства, не имел права подавать жалобу на подобное нарушение от имени своей дочери или в ее защиту, даже учитывая тот факт, что сама она также не могла подать жалобу в силу своей неполноценности. Согласно положениям процессуального законодательства, отец не смог и обжаловать вынесенное судом решение. Европейский суд, исследовав национальные процедурные гарантии обжалования законным представителем (чье право на представительство, *per se*, не оспаривалось) в ситуациях, когда затронуты права детей, пришел к выводу о нарушении ст. 8 Конвенции вследствие отсутствия эффективной защиты.

Несмотря на то что данное дело касалось, по сути, права на участие в уголовном судопроизводстве, практика использования этого прецедента показывает, что правовой стандарт, установленный Судом, может быть применен и в случаях отсутствия эффективной процедуры обжалования действий должностных лиц в рамках гражданского судопроизводства. А такой вопрос может возникнуть и при защите прав ребенка, предусмотренных Семейным кодексом РФ.

Интересен вопрос полномочий представителя, назначенного государством для защиты прав детей, разрешенный Европейским судом в определении по жалобе *S.P., D.P. and A.T. against the United Kingdom*²¹ (11, 10 и 6 лет соответственно).

¹⁸ Параграф 138 решения.

¹⁹ Определение ЕСПЧ от 15 мая 2007 г.

²⁰ Решение ЕСПЧ от 26 марта 1985 г.

²¹ Жалоба № 23715/94, постановление ЕСПЧ от 20 мая 1996 г.

Данное определение интересно для российских ученых и практиков в связи с тем, что Семейный кодекс РФ (ст. 64 СК РФ) предусматривает обязанность органов опеки и попечительства назначить представителя для защиты прав и интересов детей в случае обнаружения конфликта интересов между детьми и их законными представителями.

Жалоба была подана в Европейский суд английским юристом, назначенным для защиты прав и интересов детей по делу об установлении опеки над ними. В связи с тем что, несмотря на срочность дела и необходимость помещения детей под опеку в скорейшем времени, рассмотрение дела откладывалось, юрист счел необходимым обратиться, в интересах детей, с жалобой в Европейский суд. При рассмотрении дела Правительство Великобритании подняло вопрос о его полномочиях, заявив, что он был нанят исключительно для представления конкретного дела в суде на национальном уровне и не имеет полномочий представлять интересы детей по иным делам или в иных инстанциях. Действовавшая во время рассмотрения дела Европейская комиссия²², изучив дело, в первую очередь отметила, что дела о нарушении прав детей требуют особо тщательного рассмотрения, в котором, возможно, не нуждаются дела о нарушении прав взрослых. Исходя из того, что положения Европейской конвенции, будучи призванными защищать права человека, должны интерпретироваться и применяться практично и эффективно, Комиссия проанализировала сложившуюся ситуацию, а именно:

- факт отсутствия иного представителя интересов детей (притом что мать в этом не заинтересована, а власти являются предметом критики по данному делу);

- тот факт, что назначенный юрист продолжает в Европейском суде отстаивать именно те интересы детей, что были предметом рассмотрения суда на национальном уровне;

- отсутствие конфликта интересов между назначенным юристом и детьми.

Было сделано заключение, что жалоба, поданная юристом, является, с точки зрения Конвенции, поданной надлежащим лицом.

При этом Европейский суд отметил, что даже если допустить, что младший ребенок (6 лет) не отдавал себе полного отчета в том, какие именно действия необходимо предпринять для защиты своих прав, старшие дети осознанно подписывали доверенность своему представителю.

Данное дело, таким образом, хорошо иллюстрирует реальную способность субъекта, обладающего ограниченной правосубъектностью, своими волевыми фактическими действиями осуществлять эти права и исполнять обязанности, о которых говорил Д.Б. Левин.

Сделанный выше обзор постановлений Европейского суда по проблемам, связанным со специфической правосубъектностью ребенка, позволяет заключить, что ЕСПЧ, понимая и признавая неполную его правосубъектность, стремится, тем не менее, максимально компенсировать эту неполноту, в том числе установлением новых правовых стандартов. Это, в целом, соответствует основному подходу Суда к защите

²² Двойственная система защиты прав во исполнение Европейской Конвенции (Комиссия — Суд) была заменена унифицированным институтом постоянно действующего Европейского суда как единого органа в соответствии с Протоколом № 11 к Конвенции от 11 мая 1994 г.

прав человека через обеспечение реальных возможностей защиты. К сожалению, в российском законодательстве отсутствует такой подход. В данном контексте представляется целесообразным рассмотреть возможность изменения российского семейного и процессуального законодательства с тем, чтобы приблизить эффективность защиты ребенка к уровню, соответствующему европейским стандартам. Разработка конкретных изменений законодательства должна стать предметом отдельного, более глубокого исследования в области защиты прав ребенка.

Список литературы

1. Алексеева Т.Н., Беседина О.А., Болдырева Н.Н., Григорьева Г.Ф., Кравчук Н.В. Участие детей в деятельности по защите своих прав: межрегион. темат. доклад. М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2010.
2. Вельяминов Г. М. Международная правосубъектность // Сов. ежегодник междунар. права. 1986. М., 1987.
3. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974.
4. Эрделевский А. Ребенок тоже человек// Человек и закон. 1998. №11 – 12. С.75
5. Нечаева А.М. Судебная защита прав ребенка: учеб.-практ. пособие. М.: Экзамен, 2003.
6. Françoise Tulkens. The European Convention on human rights and children's rights.// International justice for children / Council of Europe publishing, 2008.
7. Isabelle Berro-Lefèvre. Improving children's access to the European Court of Human Rights // International justice for children / Council of Europe publishing, 2008.
8. Henaghan M., What Does a Child's Right to Be Heard in Legal Proceedings Really Mean? ABA Custody Standards Do Not Go Far Enough. Family Law Quarterly. 2008. V. 42, Iss. 1.
9. O'Donnell D. The Right of Children to be Heard: Children's right to have their views taken into account and to participate in legal and administrative proceedings.

CHILD'S LEGAL PERSONALITY IN RUSSIAN LAW AND EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

N.V. Kravchuk

National research university «Higher school of economics»

The article deals with the legal personality of the child, their regulation in the Russian legislation, in particular in the Family Code of the Russian Federation, Citizens - Soviet Procedure Code, the decision of the Supreme Court of the Russian Federation. Particular attention is paid to the question of the child's ability to be subjects of international law and that the European Court of Human Rights, designed to compensate for incomplete personality of the child. The conclusion is the need to adjust the Russian legislation in order to bring wa effectiveness of child protection to the level of relevant European standards.

Keywords: *personality, the Court, Family Code, the rights of the child.*

Об авторе:

КРАВЧУК Наталья Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. e-mail: natkravchuk@mail.ru